

## РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ В КАДРОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

**А. А. Тарасов**

*Башкирский государственный университет, г. Уфа,*

**А. Р. Шарипова**

*Башкирский государственный университет, г. Уфа*

Авторы анализируют традиционные для современной учебной и научной литературы подходы к определению понятия «риторика для юристов», основанные на почти полном отождествлении его с понятием «судебная речь», причем преимущественно по уголовным делам. Обосновывается вывод о целесообразности распространения в современных условиях понятия «риторика» на любые формы речевых коммуникаций в сфере практической юриспруденции. В статье сопоставляются варианты использования ораторских навыков в практической работе по уголовным и гражданским делам и в арбитражных делах. Авторы показывают, что для современной юридической практики необходимы сочетание навыков устной и письменной речи юриста и его способность сбалансированного представления перед третьими лицами письменных документов и устных комментариев к ним. В современных условиях безграничной доступности любой информации любому участнику юридической деятельности в любой момент кардинально меняется не только практика профессиональной юридической риторики, но и теоретические и методологические подходы к подготовке юридических кадров.

**Ключевые слова:** *риторика, судебная речь, уголовный процесс, юридическая практика, юриспруденция, кадровое обеспечение юриспруденции.*

Риторика вообще определяется в современной учебной и научной литературе как «теория и мастерство целесообразной, воздействующей, гармонизирующей речи» [2, с. 13]. На этой основе юридическая риторика может быть определена как совокупность знаний и навыков, используемых в любой устной коммуникации, сопровождающей практическую юридическую деятельность. Ознакомление с современной учебной литературой по дисциплинам с такими названиями, как «Судебная речь», «Основы судебного красноречия», «Риторика для юристов» и т.п., приводит к выводу о том, что в учебной литературе традиционно допускается искусственное ограничение предмета изучения дисциплин, сориентированных на формирование у студентов и других обучающихся навыков речевого общения, необходимых юристу в повседневной работе<sup>1</sup>.

В связи со сказанным считаем необходимым отметить следующее.

1. Подавляющее большинство авторов сводят «юридическую» риторику к «судебной речи», причем судебная речь понимается почти исключительно как речь в прениях сторон, которая в основном раскрывается через призыву уголовного процесса и лишь в части исполнения сторонами функций обвинения и защиты [1, с. 123; 3]. В текстах учебных пособий иногда делаются оговорки относительно особенностей речей в гражданском и арбитражном процессах [1, с. 6, 23], но это не более чем оговорки, не меняющие ни общей структуры, ни содержания изложения. Такая ситуация в юридическом образовании не имеет ничего общего с фактическим соотношением количества судебных дел и количеством практикующих юристов, занятых соответственно в сферах уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства. Отнесение проблем судебного красноречия преимущественно к области уголовного процесса было обусловлено многими факторами. Во-первых, исторически лучшие образцы судебного красноречия становилась доступными для широ-

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда Проект 15-03-00131 «Реализация уголовной политики: проблемы правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения».

кого публичного восприятия благодаря прежде всего речам известных дореволюционных юристов в суде присяжных, то есть по уголовным делам. Во-вторых, в советский период истории отечественной юриспруденции гражданские дела вообще не требовали никаких ораторских данных, поскольку интересы участников спора в стране, где частная собственность и предпринимательство были под запретом, не вызывали сколько-нибудь заметного общественного интереса. Зато в судебную риторику по уголовным делам в изобилии проникли идеологические штампы и апелляции к революционному и классовому чутью собравшихся, а позже – к их социалистическому правосознанию, которым, к слову, должен был руководствоваться и судья, оценивающий доказательства и принимающий решения по делу. В-третьих, в юридических вузах курсы судебной речи традиционно закреплялись за кафедрами уголовного процесса, поэтому и вели эти учебные курсы преподаватели уголовного процесса, и учебные пособия по судебному красноречию готовили они же.

Еще одной особенностью современной учебной литературы по юридической риторике является констатация того факта, что само по себе судебное красноречие – это стремительно исчезающий вид ораторского искусства и горькое сожаление авторов по этому поводу. Обращаясь к нынешнему поколению студентов-юристов, авторы учебников приводят в пример блестящих ораторов прошлого – античных, русских дореволюционных и советских. Такое обращение, разумеется, не обосновательно, однако сами же специалисты по науке красноречия верно утверждают, что речь говорящего должна быть целесообразной, то есть сориентированной на решение конкретной прагматической задачи, а кроме того, она должна быть сориентирована на воспринимающую аудиторию, чтобы быть услышанной и понятой. Можно, конечно, предложить современному SMS-поколению студентов перейти на общение между собой «бумажными» письмами в «высоком штиле», предварительно пожаловавшись на незаслуженно забытый эпистолярный жанр прошлого. Не исключено, что один из сотни студентов, действительно, захочет перейти на этот способ и стиль общения со своими сверстниками. Возможно, это даже будет полезно для развития его интеллекта и интеллекта тех, ко-

му он успеет написать красивое и содержательное письмо. Однако едва ли можно рассчитывать на то, что именно этот стиль речевого общения сможет стать массовым или даже просто – сколько-нибудь распространенным в профессиональной юридической деятельности в наше время. Хотим мы того или не хотим, но цивилизация диктует смену ритмов и технологий не только в производстве и в бизнесе, но и в общении людей.

Внимания заслуживает еще одно обстоятельство: во всех встретившихся нам учебных пособиях по красноречию риторика понималась исключительно в значении устной, а не письменной речи. Такой подход настолько привычен, настолько близок к прямому переводу слов «ритор» и «оратор», что мы невольно забываем, что в реальной уголовно-процессуальной или гражданско-процессуальной деятельности слово, записанное в документе, многократно перевесит самое красивое слово, произнесенное вслух, но в документ не попавшее. Более того, «говорящий за себя» документ, в котором выражена правильная по существу и добротнo аргументированная правовая позиция, может и вовсе избавить его автора от произнесения каких бы то ни было слов и речей.

В целом подходы к преподаванию риторики со времен Древней Греции как будто не изменились: юридическую риторику в практических навыках по-прежнему описывают по пятиступенчатой эллинистической структуре, включающей инвенцию, диспозицию, словесное выражение, запоминание и преподнесение. Сказать, что это не так, нельзя, как нельзя сказать и того, что это знание хоть на йоту приближает современного юриста к результативному использованию своего речевого аппарата. В учебнике по риторике для бакалавров 2015 года издания параграф, посвященный науке о красноречии, назван буквально так: «1.2. Инвенция, диспозиция, элокуция, тропы и фигуры в риторике» и занимает 22 страницы в 240-страничном объеме всего учебника [2, с. 3, 15]. Сказать, что это неправильно или совсем неуместно, нельзя, поскольку это действительно ключевые понятия риторики как науки. Но для вывода о том, что это помогает бакалавру-юристу, цель обучения которого – приобретение практических навыков, на целых 10 % от общего объема учебного курса овладеть этими навыками, тоже, на наш взгляд, нет оснований, как мини-

мум потому, что сам бакалавр едва ли когда-нибудь будет произносить речи в суде, а если когда-нибудь вдруг и будет, то к тому времени он не вспомнит ни одного из названных выше научных слов.

При всем уважении к классикам действительность стала другой, объективно, независимо от наших желаний и оценок. Каждый образованный человек знает, какое уважение вызывает специалист-эрудит, которого когда-то называли «ходячей энциклопедией». И сейчас такие профессионалы встречаются и заслуживают такого же уважения. Однако доступность огромного объема информации, в том числе и текстов законов, и судебной практики, и научных комментариев к тому и другому в любой момент с помощью электронных средств связи, сама собой привела к отказу большинства современных юристов от дословного зазубривания этих текстов. Крайней формой проявления «интернет-эрудиции» является уверенность, будто бы законы и вообще не надо читать заранее, поскольку их можно прочесть в любой момент. Это, конечно, иллюзия, и в нужный момент такой горе-эрудит не найдет ничего подходящего либо найдет что-нибудь не то, и совершит, возможно, самую грубую профессиональную ошибку в своей карьере. Но подчеркнуть в этом контексте хотелось бы совсем другое: в новых информационных условиях подходы к профессиональной юридической риторике должны кардинально меняться. Правильно выстроенная в композиционном отношении речь адвоката-представителя в арбитражном суде при отсутствии в деле письменных доказательств, скорее всего, не вызовет даже профессионального интереса, не говоря уже о каком-то внушающем ее воздействии. При наличии же в деле документов-доказательств она тоже превратится в досадную трату времени для всех участников процесса.

В арбитражном процессе абсолютно, а в гражданском процессе в значительной степени роль «риторики» именно как мастерства устного выступления кардинально корректируется письменной формой большинства юридически значимых действий. Практически все в юридической реальности документируется; любому мало-мальски важному устному заявлению предшествует представление письменного ее варианта; институты проверочных судебных инстанций сводят к минимуму зависимость принятия решений от ка-

ких-либо симпатий к оратору, выступающему на той или иной стороне; сложность и объемность дел требуют не запоминания речей и фактов, упоминаемых в них, а умения ориентироваться в письменных материалах. Уголовный процесс, как отмечалось, дает большую свободу для ораторского искусства, но и здесь она не безгранична с точки зрения способности помогать в решении профессиональной задачи. Единственным исключением является суд присяжных – роль произнесенного вслух слова, внешнего вида оратора, его способности к убеждению и внушению здесь по-прежнему велика. Однако и здесь нельзя обойтись без оговорки, касающейся нового информационного пространства. Современные присяжные, в отличие от дореволюционных, тоже смотрят телевизор и знают, что профессиональные юристы нередко называют их «судом улицы», который судит по принципу «нравится или не нравится» конкретный человек, в том числе и говорящий с трибуны. Не всякому сегодня захочется сохранить за собою такую малосимпатичную роль, особенно если имеешь доступ в интернет и в считанные минуты в перерыве между заседаниями можешь пополнить свои знания тем или иным набором правдивых и не очень сведений. Судебный оратор и в суде присяжных сегодня перестает быть столь уж бесспорным «властителем дум».

Сегодня важно определить, что из того, что вкладывается специалистами в понятие риторики вообще и юридической риторики в частности, действительно необходимо и полезно практикующему юристу, а что нет. И речь, как полагаем, идет не только и не столько о том, чтобы избавить сегодняшних и без того не очень усердных студентов от избыточных знаний. Сегодня необходимо адаптировать систему подготовки юридических кадров к изменившимся внешним условиям их профессиональной деятельности. В противном случае – горечь утраты судебного красноречия как образца юридического профессионализма так и останется лейтмотивом в преподавании учебных дисциплин, предметом которых является ораторское искусство в юриспруденции. Такой подход малопродуктивен и не ориентирован на реальную жизнь. Ориентация в учебной литературе, главным образом, на обвинительные и защитительные речи в судебных прениях по уголовным делам, как это ни странно, «оставляет за бор-

том» существенную часть даже устной речевой активности обеих сторон в уголовном процессе. Не меньшее отношение к юридической риторике имеют заявления ходатайств в суде и возражений на них, изложение существа предъявленного обвинения и выражение отношения к нему стороны защиты перед началом судебного следствия. В суде присяжных последнее, по закону и по логике процесса, имеет вид вступительных слов, то есть полноценных устных выступлений обвинителя и защитника, способных оказать существенное влияние на отношение присяжных к предстоящему исследованию доказательств с их участием. Видами речевой активности сторон в суде по уголовному делу являются ответы на вопросы суда о возможности совершить какое-то процессуальное действие – объявить перерыв, закончить судебное следствие, начать прения или отложить их, дав сторонам время на подготовку, и т.д. Конечно, классические каноны риторики к этим молчаливым «кивкам головы» или немногословным «на усмотрение суда» не очень подходят, но правовые последствия у этих «кивков» есть, часто необратимые, поэтому практикующий юрист должен уметь отвечать и за них.

Первая группа навыков, относимых к риторике и вызывающих у нас большие сомнения, связана с разнообразными внешними проявлениями оратора – начиная от одежды и прически, заканчивая темпом и тембром голоса (последний, как известно, изменить невозможно, но специалистам по риторике это не мешает давать студентам ценные указания на его счет) [3, с. 9–43].

Безусловно то, что общее впечатление от человека у окружающих формируется с учетом его внешности, манер и иных проявлений. Бесспорно то, что не вызовет доверия у клиента в качестве защитника по делу человек, выглядящий или ведущий себя нелепо. Но какое отношение все это имеет к судебной риторике?

Поскольку мы настаиваем на том, что в понятие риторики следует включать не только судебное, но и всякое иное юридическое «красноречие», нам придется согласиться с тем, что на деловых переговорах, при заключении договоров, в том числе соглашений об оказании юридической помощи, при заключении мировых соглашений, в различных согласительных процедурах умение оратора «по-

дать себя» может оказать ключевое влияние на результат.

Нами же для целей определения эффективности тех или иных приемов риторики предлагается в качестве критерия возможность их влияния на процессуальный результат по какому-либо делу, рассматриваемому судом.

Этот показатель избран в качестве определяющего постольку, поскольку именно судебная риторика определяет специфику юридической риторики: красноречие как способ настаивания на своей позиции существует во всех областях деятельности людей, и оно в целом неспецифично для юриспруденции; судебное красноречие отличается тем, что оно адресовано третьей стороне, на которую такими же способами воздействует и процессуальный оппонент оратора.

Наша задача определить, каковы потенциальные возможности риторики именно в судебном процессе: что зависит от «красноречия», если есть хоть что-то.

Начнем с того, что на «официальном» уровне риторики как будто не существует: упоминаний о красноречии, мастерстве аргументации, выстраивании позиции и т.п. нормативно-правовые акты, в том числе и главным образом процессуальные законы, не содержат (исключение составляют только разнообразные требования к кандидатам на замещение должностей: в самом общем виде говорится о наличии «ораторских способностей»). Логично было бы предположить, что набор профессиональных навыков юриста не входит в предмет регулирования какого-либо нормативного акта, помимо образовательного стандарта, но, как выясняется, иные «неформальные» стороны работы юристов все-таки касаются государства и профессионального сообщества.

Так, ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого 31 января 2003 г., обязывает его «придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению». Аналогичное пожелание прокурорам дано в п. 2.1.15 Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации, утвержденного приказом Генпрокуратуры РФ от 17 марта 2010 г. № 114: «придерживаться делового стиля одежды, соответствующего статусу государственного служащего, соблюдать разумную достаточность в ис-

пользовании косметики, ювелирных изделий и иных украшений.

При этом единственное, найденное нами, упоминание о красноречии – в негативном смысле: «если ... не создан фундамент в виде совокупности надлежаще исследованных доказательств ... прокурору не поможет никакое красноречие в судебных прениях» (письмо Генеральной прокуратуры РФ от 12 марта 1993 г. № 12/13-93).

Не очевидной, но очень важной нам представляется связь между отрицанием важности риторики (как умения формировать, аргументировать и преподносить свою позицию, то есть по существу выигрывать судебные споры) и непризнанием в отечественном праве за юристами обязанности выигрывать дела, недооцененности важности судебных побед, оспариванием связи между юридическим результатом и мастерством юриста.

Об этом прямо свидетельствуют, на наш взгляд, позиции судов, последовательно игнорирующих «гонорар успеха» как в смысле судебной защиты интересов юристов, взыскивающих его с клиента, так и в смысле возмещения проигравшей спор стороной уплаченного стороной выигравшей гонорара юристам в составе судебных расходов: соответствующие выводы сделаны всеми тремя высшими органами судебной власти (Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 сентября 1999 г. № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг», Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами Общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности и гражданина В. В. Макеева», и Определение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2015 г. № 309-ЭС14-3167).

Мы можем заключить, что суды, по крайней мере на формальном уровне, «не преувеличивают» значимость для себя ораторского искусства участников какого-либо процесса. Это вполне закономерно, поскольку мы сами ожидаем от судов способности «разобраться»

в деле независимо от «качества» тех юристов, которые в этом деле участвуют.

Говоря о прагматизме в преподавании риторики для юристов, мы отнюдь не собираемся предельно упрощать проблему до ставшей сейчас популярной «спортивно-развлекательной» фразеологии [4]. Тем более мы не претендуем на отрицание всех сложившихся традиций и на отказ от наработанного опыта развития системы научных представлений о риторике для юристов и преподавания ее в системе юридического образования и повышения квалификации юридических кадров. Однако мы считаем необходимым обратить внимание на главные идеи, которые заслуживают обсуждения в профессиональном юридическом сообществе.

1. Юридическая риторика как практическая деятельность и как преподаваемая в вузах дисциплина должна приспосабливаться в своих целях и в содержании к новым информационным условиям жизни общества, а также к особенностям конкретных видов юридической деятельности.

2. Юридическая риторика – это не только мастерство устных выступлений и воздействия на слушающую аудиторию, это еще и мастерство выражения сведений, имеющих правовое значение, в вербальной форме, как устно, так и письменно, а в оптимальном варианте – в сбалансированном сочетании письменной и устной форм.

3. Юридическая риторика – важный показатель зависимости качества и результативности юридической деятельности от личности осуществляющего ее юриста, особый вид юридической услуги.

### Литература

1. Лазарева, В. А. Теория судебной речи: учебное пособие / В. А. Лазарева. – Самара, 2001. – 123 с.
2. Михалкин, Н. В. Риторика для юристов: учебное пособие для бакалавров / Н. В. Михалкин, С. С. Антюшин. – М., 2015. – 240 с.
3. Петров, О. В. Основы судебного красноречия: учебное пособие / О. В. Петров. – М., 2015. – 208 с.
4. Чашин, А. Н. Юридическое айкидо / А. Н. Чашин. – М., 2015. – 80 с.

**Тарасов Александр Алексеевич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права, Башкирский государственный университет, г. Уфа. E-mail: aatar@mail.ru.

**Шарипова Алия Рашитовна** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института права, Башкирский государственный университет, г. Уфа. E-mail: 41gr@mail.ru.

*Статья поступила в редакцию 16 апреля 2015 г.*

---

## **THE ROLE OF LEGAL RHETORIC IN STAFF ASSISTANCE OF MODERN JURISPRUDENCE**

**A. A. Tarasov**

*Bashkir State University, Ufa, Russian Federation,*

**A. R. Sharipova**

*Bashkir State University, Ufa, Russian Federation*

The authors analyze the traditional approaches to the definition of "Rhetoric for Lawyers", based on complete identification with the notion of "judicial speech" mainly in criminal cases for modern educational and scientific literature. The conclusion on feasibility of distribution of the concept of "rhetoric" to any form of verbal communication in the field of practical jurisprudence is proved in modern conditions. The article compares different use of declamatory skills in practical work on criminal and civil cases and arbitration cases. The authors show that modern legal practice requires combination of skills of oral and written speech of a lawyer and his balanced presentation of written documents and oral comments to the third parties. In modern conditions of unlimited availability of any information to any member of the legal profession at any time not only the practice of professional legal rhetoric, but also theoretical and methodological approaches to the training of legal personnel are dramatically changed.

**Keywords:** *rhetoric, judicial speech, criminal procedure, legal practice, law, staff assistance of law.*

### **References**

1. Lazareva V. A. *Teoriya sudebnoj rechi: uchebnoe posobie* [Theory of judicial speech]. Samara, 2001, 123 p.
2. Mikhalkin N. V., Antuchin S. S. *Ritorika dlja juristov* [Rhetoric for Lawyers]. Moscow, 2015, 240 p.
3. Petrov O. V. *Osnovy sudebnogo krasnorechija* [Fundamentals of judicial oratory]. Moscow, 2015, 208 p.
4. Chashin A. N. *Juridicheskoe aikido* [Legal aikido]. Moscow, 2015, 80 p.

**Alexander Alekseyvich Tarasov** – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminal Law and Process, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation. E-mail: aatar@mail.ru.

**Aliya Rashitovna Sharipova** – Candidate of Sciences (Law), of the Department of Criminal Law and Process, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation. E-mail: nordwind23@mail.ru.

*Received 16 April 2015.*

---

### **ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ**

Тарасов, А. А. Роль юридической риторики в кадровом обеспечении современной юриспруденции / А. А. Тарасов, А. Р. Шарипова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 67–72.

### **FOR CITATION**

Tarasov A. A., Sharipova A. R. The role of legal rhetoric in staff assistance of modern jurisprudence. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 67–72. (in Russ.)